

И.Г. Дубровская

Раневская Любовь Андреевна

Персонаж пьесы «Вишневый сад», помещица. Родилась в состоятельной семье. В поместье был хороший дом, огромный вишневый сад, рядом — глубокая река, в двадцати верстах — большой город. Усадьба очень красива, хорошо спланирована. Брат Раневской Гаев не перестает любоваться:

«Сад весь белый. Ты не забыла, Люба? Вот эта длинная аллея идет прямо, точно протянутый ремень. Она блестит в лунные ночи».

«И в “Энциклопедическом словаре” упоминается про этот сад».

Раневская замечает:

«Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишневый сад».

Во времена деда и отца Раневской хозяйство было хорошо налажено, жили с размахом, на широкую ногу. Об этом свидетельствуют отрывочные воспоминания старого Фирса:

«В прежнее время, ует сорок — пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили...»

«И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Денег было! И сушеная вишня тогда была мягкая, сочная, сладкая, душистая... Способ тогда знали...»

«Прежде у нас на балах танцевали генералы, бароны, адмиралы, а теперь посылаем за почтовым чиновником и начальником станции, да и те не в охотку идут».

«Приехали из Парижа... И барин когда-то ездил в Париж... на лошадях».

О порядках в усадьбе времени детства Раневской свидетельствует и одежда старого лакея: ливрея, белый жилет, белые перчатки, фрак.

Раневская — из старинного рода поместных дворян, ее ярославская тетушка — графиня. Замужество племянницы она не одобрила: избранник — присяжный поверенный — не был дворянином. По словам Раневской, он «делал одни только долги», «страшно пил». Не одобряя такого образа жизни мужа Раневской, богатая тетушка в денежной поддержке отказала. Раневская оказалась без средств к существованию. Последнее, что у нее осталось, — это имение, вишневый сад.

С первых минут сценического действия зритель подготовлен к встрече с ней короткой, но емкой характеристикой:

«Хороший она человек. Легкий, простой человек».

Лопехин, тепло отозвавшийся о ней, приехал встречать Раневскую: добрые слова, сказанные ею Лопехину-мальчику, запомнились ему на много лет. Горничная Дуняша разделяет настроение Лопехина, реагируя на его воспоминание несколько неожиданной фразой:

«А собаки всю ночь не спали, чувят, что хозяйева едут...»

Душевная щедрость, доброта Раневской освещает жизнь всех персонажей пьесы. К ней тянутся, ею любят, с ней советуются, у нее просят помощи, о ней тревожатся, а старый Фирс плачет от радости:

«Барыня моя приехала! Дождался! Теперь хоть и помереть...»

Раневская сердечна, эмоциональна. Встреча с родиной, родным домом потрясла Раневскую, очистила ее душу:

«О мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мной каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (Смеется от радости.) Весь, весь белый! О сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое...»

Мотив беды, жестокой судьбы входит в пьесу. Желания Раневской расходятся с ходом ее жизни. Чувство тревоги, беспокойства нарастает к концу первого действия. Неосторожно сказанные слова Гаева (их услышала Аня) свидетельствуют о том, что в характере Раневской далеко не все однозначно:

«Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю, но, как там ни придумывай смягчающие обстоятельства, все же, надо сознаться, она порочна. Это чувствуется в ее малейшем движении».

Действие в пьесе происходит в имении Раневской, которое назначено к продаже за долги. В России она не была пять лет, проведя эти годы в Париже. Обстоятельства, заставившие ее покинуть родину, можно назвать драматическими. Об этом говорит дочь Раневской Аня:

«Шесть лет тому назад умер отец, через месяц утонул в реке брат Гриша, хорошенький семилетний мальчик. Мама не перенесла, ушла, ушла без оглядки».

Вспоминая об этих событиях, сама Любовь Андреевна использует иную лексику, эмоциональная окраска которой возрастает с развитием действия: «уехала», «совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться», «закрыла глаза», «бежала, себя не помня».

«Муж мой умер от шампанского, — он страшно пил, — и, на несчастье, я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время, — это было первое наказание, удар прямо в голову, — вот тут на реке... утонул мой мальчик, и я уехала за границу, совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки... Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... безжалостно, грубо. Купила я дачу возле Ментоны, так как он заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; больной измучил меня, душа высохла».

Аня, приехав за матерью в Париж, застаёт ее в окружении случайных людей, без денег.

«Дачу свою около Ментоны она уже продала, у нее ничего не осталось, ничего. У меня тоже не осталось ни копейки, едва доехали. И мама не понимает! Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и на чай лакеям дает по рублю».

Первые минуты пребывания Раневской в родном доме омрачены известием о продаже имения, назначена дата торгов. Свыкнуться с этой вестью Раневской еще предстоит, но весь драматизм положения она ощутила. С продажей усадьбы для нее мир рушится:

«Я все жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом».

Выхода из создавшегося положения она не видит. На слова Гаева о том, что он будет финансистом, банковским служакой, она коротко бросает: «Где тебе! Сиди уж...»

Иллюзий Гаева о том, что какой-то генерал может дать деньги под вексель, она не разделяет («Это он бредит. Никаких генералов нет»). Звук лопнувшей струны — замирающий, печальный — она воспринимает как дурное предзнаменование, как знак неизбежности беды.

Раневская с ужасом ждет эту беду — торги, назначенные на 22 августа, — прекрасно понимая, что ни Гаев, ни мифический генерал, который может ссудить деньги, ни ярославская тетушка тут не помогут. Сообщение, что имение собирается купить богач Дериганов, взволновало ее: до этого шел разговор о долгах, о продаже, теперь же назван конкретный покупатель. В тревоге обращается она к Лопахину:

«Что же нам делать? Научите, что?»

«Нет, не уходите, останьтесь, голубчик! Прошу вас. Может быть, надумаем что-нибудь!»

«Не уходите, прошу вас. С вами все-таки веселее!»

Предложение Лопехина об отдаче земли в аренду под дачи она отвергает:

«Дачи и дачники — это так пошло, простите».

Причина несчастья для Раневской ясна:

«Уж очень много мы грешили».

В слезах обращается она к Богу:

«Господи, Господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше!..»

После этих слов авторская ремарка: «Достает из кармана телеграмму». Парижская телеграмма разорвана, но прочитана: «Просит прощения, умоляет вернуться». Услышав отдаленную музыку, Раневская вспоминает еврейский оркестр, предлагает его «завзвать», «устроить вечерок».

Раневская ушла от разговора о судьбе вишневого сада, парижская телеграмма изменила ход ее мыслей. Ранее она говорила, что с Парижем покончено, теперь намерения ее меняются:

«Он просит прощения, умоляет приехать, и по-настоящему мне следовало бы съездить в Париж, побывать возле него».

Последняя любовь Раневской фатальна. Телеграммы из Парижа она сначала рвет не читая, потом рвет после прочтения и, наконец, в разговоре с Петей Трофимовым объясняет, почему больше не рвет телеграмм:

«У вас, Петя, строгое лицо, но что же делать, голубчик мой, что мне делать, он болен, он одинок, несчастлив, а кто там поглядит за ним, кто удержит его от ошибок, кто даст ему вовремя лекарство? И что же тут скрывать или молчать, я люблю его, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу».

Петя, который искренне сочувствует Раневской, видит все это иначе:

«Ведь он негодяй, только вы одна не знаете этого!»

«Простите за откровенность, Бога ради: ведь он обобрал вас!»

Ласковая, обаятельная, Раневская становится резкой и недоброй, когда Петя вторгается в ее мир, мир любви. Слова Пети раздражают ее, хотя она чувствует, что тот прав. Человек, телеграфирующий из Парижа, ее «обобрал», она это понимает. Рассказывая о своей беде, она несколько раньше использовала именно этот глагол:

«...он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно...»

Эти грустные слова можно поставить итогом многих самонаблюдений Раневской:

«Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно».

«Несчастье представляется мне до такой степени невероятным, что даже как-то не знаю, что думать, теряюсь... Я могу сейчас крикнуть... Могу глупость сделать».

«И музыканты пришли некстати, и бал мы затеяли некстати...»

«Глупо», «стыдно», «некстати» — слова-лейтмотивы, определяющие тональность происходящего.

Раневская и мыслями и душой находится за пределами усадьбы, которую будут продавать, поэтому часто ее реплики находятся вне связи с тем, что говорит собеседник. В этом, вероятно, проявляется ее неосознанное желание отбросить от себя решение вопроса. Наступает день, когда откладывать нельзя, но Раневская медлит, что очень раз-

дражает Лопехина. Его слова сказаны в запальчивости, но очень важны для понимания характера Раневской:

«...Таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я еще не встречал».

После этой характеристики Гаева и Раневской тема общего разговора сменится несколько раз. Любовь Андреевна в слезах произнесет свой знаменитый монолог «О мои грехи...», прозвучит ее обличительная реплика Лопехину («Как вы все серо живете, как много говорите ненужного»). Слова Раневской расходятся с ее поведением, но логика в них есть. Это логика характера: в понимании Раневской жить не «серо» можно только любовью. Во имя любви она оставляла дочь, вишневый сад, родину, ее «потянуло в Россию» после неудачи в любви. Теперь все ее мысли о Париже, тревоги, судьба вишневого сада, усадьбы, близких и родных людей отступают перед чувством, противиться которому она не в силах.

После того, как вишневый сад продан и принято решение об отъезде в Париж, все окружающие заметили, что Раневская успокоилась. «Нервы мои лучше», — говорит она и продолжает с бравадой, обращаясь к Ане:

«Я уезжаю в Париж, буду жить там на те деньги, которые прислала твоя ярославская бабушка на покупку имения — да здравствует бабушка! — а денег этих хватит ненадолго».

Раневская живет на деньги, взятые займы у Лопехина, будет жить на тетешкины. Петя Трофимов объясняет этот факт исторически:

«Владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя, уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет».

Петя имел в виду помещиков-крепостников, предков Гаева, Симеонова-Пищика. Он ставит в этот ряд и Раневскую.

Раневская добра, обаятельна, открыта прекрасному, эмоциональна, но эти качества в сочетании с привычкой жить в долг, праздностью оборачиваются равнодушием, небрежностью к людям. В конечном счете — разочарование, жизненный крах. Последний штрих в характере Раневской ставит заключительная сцена, когда старый больной Фирс оставлен в заколоченном доме. Финал пьесы обнаруживает авторское видение характера Раневской.